

Пенсии, зарплата, два выходных

Утром в понедельник 13 июля 1964 года, на следующий день после Пленума ЦК, открылась сессия Верховного Совета СССР. «О мерах по выполнению Программы КПСС в области повышения благосостояния народа» докладывал Хрущев.

Отец предложил законодательно установить государственные пенсии колхозникам, после предоставления паспортов – еще один шаг в уравнивании крестьян в правах с остальными жителями страны. Это решение имело и серьезную идеологическую подоплеку: отец считал, что пора перестать делить народ на классы, пусть уже не враждующие, но и неравные, страна наша теперь едина, и народ наш един. Идеологи не возражали, но и не одобряли, в душе считали отца отступником и даже «ревизионистом». Предоставление пенсий колхозникам ставило весомую материальную точку в их споре.

С 1 января 1965 года селянам, мужчинам с 65 лет, женщинам с 60 лет начинали платить пенсии: 50 процентов от заработка в 50 рублей в месяц, а с доходов сверх 50 рублей – 25 процентов. Это немного меньше, чем платили рабочим и служащим. Считалось, что крестьяне имеют постоянный приработок с приусадебного участка, овощи, куры, свиньи у них свои, в магазин им ходить нет особой надобности. Но и такие мизерные суммы ложились тяжелым бременем на бюджет.

Кроме пенсий крестьянам, отец предложил повысить, тоже с 1 января 1965 года, заработную плату учителям, до 80 – 135 рублей в месяц (до того они получали 52 – 131 рубль), врачам – до 90 – 125 (по сравнению с 72,5 – 108 рублями) и примерно в тех же пределах работникам жилищно-коммунального хозяйства, торговли, общественного питания и всем остальным, занятым в сфере обслуживания.

Прибавку к заработной плате пообещали еще в 1961 году на XXII съезде партии, и не отдельным категориям работников, а всем. Однако неурожай 1963 года спутал все планы, всеобщее повышение пришлось отложить до лучших времен, денег едва наскребли для самых низкооплачиваемых. Зарплату повышали тем, кто уже не мог терпеть.

Когда я прочитал в газете доклад отца, меня неприятно поразило крохоборство, заработок увеличивался даже не на десятку, а на 3–6 рублей в месяц. Столь мизерная прибавка не обрадует людей, а вызовет раздражение и досаду. Столько лет ждали – и вот, получили. Я едва дождался отца, чтобы выложить ему свои сомнения.

Летом отец ночевал на даче в Горках-9. Ему нравилась обширная территория с длинной прогулочной дорожкой вдоль забора, без заметных подъемов и спусков, которые становились для него все более чувствительными. По этой дорожке отец обходил территорию каждый вечер. Завершалась прогулка на лугу, отделявшем территорию дачи от Москвы-реки. Если в Усово, где до последнего времени жил отец, пространство между забором и рекой не было огорожено и заполнялось в солнечные дни приехавшими позагорать и искупаться, то на доставшейся в наследство от Молотова резиденции проходы на луг с двух сторон перегородивались колючей проволокой (правда, ограждение оставляло желать лучшего – то тут, то там зияли огромные дыры).

Вечером мы, как обычно, отправились на луг посмотреть на разбитый там отцом огород. В тот год он выращивал там кроме уже привычных кукурузы и помидоров еще и горох. Потом пошли вокруг луга, сначала по кромке леса, затем по берегу Москвы-реки. Остановились в самом дальнем углу послушать, как в заболоченной низинке кричит перед заходом солнца коростель. Отец любил его скрипучий голос, напоминающий ему детство, Калиновку, ночное... Когда, наслушавшись коростеля, мы направлялись назад к дому, я выложил отцу свои сомнения.

Отец не рассердился и, даже не возразил, задумался, а потом начал объяснять, каким трудом дались эти копейки и рубли. Их наскребали с самой зимы.

– Дело не в самой заработной плате, – пояснял отец, – рубли напечатать дело нехитрое, тут особого ума не требуется, но их надо обеспечить товарами, которые на этот рубль можно купить. Другими словами, требуется увеличить производство одежды, обуви, мебели, не говоря уже о продуктах питания, для этого построить новые заводы и фабрики, расширить цеха на существующих предприятиях. Если баланс нарушится, приплачиваемые рубли сметут с прилавков всё, и люди останутся с бесполезными бумажками в карманах, а магазины с пустыми полками.

Отец замолчал, мы медленно шагали по пригорку над Москвой-рекой, охранник держался поодаль.

– У капиталистов устроено иначе, – отец возобновил разговор уже без моей подачи, – у них, если у людей появляются деньги, кто-то сразу начинает производить пользующиеся спросом товары и все само собой балансируется. У нас же все завязано на план, на Госплан, от записанного там не отступишь ни на шаг, ни дополнительных станков не достанешь, ни комплектующих, ничего. Хорошо, если в Госплане сидят умные люди, а если в каком-то отделе появится дурак, всей страной хлопот не оберешься.

Отец говорил эти слова уже не столько мне, сколько рассуждал сам с собой.

– К сожалению, сколько ни утрясали план с бюджетом, сколько ни спорили, большего не наскребли, – отец теперь обращался ко мне. – Вот разбогатеет, тогда и зарплаты повысим на десятки, а не на рубли.

Я согласно кивнул, действительно, кому нужны деньги, если на них ничего не купишь? Когда-то, после Гражданской войны, буханка хлеба стоила миллион. Я читал о тех временах в книгах. Ответ отца меня удовлетворил, но одновременно не со слов, а по интонации я ощутил, как тяжело ему там, в Совмине, балансировать копейки с морковками, выбрасываемыми на полки овощных магазинов, да еще при этом не ошибаться.

– Если дать директору предприятия больше свободы, определить ему примерную номенклатуру, – неожиданно для меня продолжил отец, – да он и сам ее знает, пирожник не станет сапоги тачать, а портной – чайники делать, а дальше пусть сам директор решает, что производить, сам продает свой товар в пределах какого-то коридора цен, заранее оговоренного, чтобы не обдирал людей, как капиталисты.

Я от удивления рот раскрыл, подобной крамолы я ни от отца, ни от кого-либо еще не слышал.

– Государству, естественно, следует получить свою долю, – отец не обратил внимания на мои эмоции, он весь ушел в себя, – но оговорить ее, даже закрепить законом, следует заранее, лет на пять или даже восемь. Директору, чтобы строить планы на будущее, необходимо знать, что у него заберут, а чем он сможет распорядиться сам.

Вот пусть и распоряжается, строит новые цеха, базы отдыха и даже заработную плату повышает. Тогда лишние деньги не из воздуха материализуются, не из-под печатного станка, а от того, что наработают, выпустят больше продукции, на покупку которой деньги и потратятся. Почувствуй спрос, сосед-директор сообразит, что, увеличив выпуск своего товара, он тоже сможет заработать, но не в карман положит деньги, как капиталист, а улучшит жизнь своих рабочих. Будет у нас, почти как у капиталистов, они не дураки, свою выгоду блудят, но лучше: вся прибыль, выгода пойдет на пользу людям.

Естественно, сейчас я не могу воспроизвести слова отца буквально, но за смысл сказанного им ручаюсь. В отличие от меня тогдашнего, рассуждения отца вряд ли покажутся современному читателю ошеломляюще новыми. Всякое новшество со временем становится обыденным, даже такое открытие, как колесо, перевернувшее жизнь человека, давно уже никого не впечатляет.

В начале того года газеты возобновили, загложшую из-за неурожая 1963 года дискуссию, как сделать нашу экономику эффективной. Отец внимательнейшим образом штудировал публиковавшиеся одну за другой статьи. В отличие от отца, я за дискуссией не следил, просматривал газеты по диагонали, не вдумываясь. Меня волновали куда более важные, по моим понятиям, проблемы: ракеты, космос, полет на Луну, а затем и на Марс. А тут какая-то прибыль. Это теперь я с годами поумнел. Тогда же разговор исчерпался сам собой.

Миновав калитку, мы подошли к дому. Каждый намеревался заняться своими делами. Отца ожидала ежедневная порция документов, я же... Чем занялся я, сейчас уже не помню.

Повышение заработной платы, пенсии колхозникам и грядущая реформа экономики интересовали меня, но саму мою жизнь не затрагивали, в отличие от еще одного, выносившего на заседание сессии Верховного Совета вопроса – перехода к рабочей неделе с двумя выходными, в субботу и воскресенье. В то время мы работали семь часов в будни и пять часов в субботу. Планировалось вернуться к восьмичасовому рабочему дню, за счет чего высвободить для отдыха еще один день.

На первых порах два выходных дня никаких возражений не вызывали, но в июне вдруг возникли «неразрешимые» трудности. Хрущеву наперебой доказывали, что переход на пятидневную неделю внесет дезорганизацию в работу многих отраслей народного хозяйства, особые затруднения возникнут на предприятиях с непрерывным производством: в металлургии, химии, нефтехимии. Высказывались опасения, что, несмотря на сохранение продолжительности рабочей недели в часах, общий объем выпуска продукции при переходе на пятидневку упадет.

До сессии оставалась неделя. Отец засел за окончательную подготовку доклада.

Тем летом отца всецело занимала предстоящая реформа, а его ближайших сподвижников – как без особых проблем отстранить Хрущева от власти. Для этого его следовало как можно больше скомпрометировать, но так, чтобы он сам ничего не заподозрил. Летом 1964 года заговор против отца вступил в решающую фазу. В июле осторожный Брежнев даже перестал делать записи в своем рабочем блокноте. В регионах, с руководителями которых у Брежнева установилось «взаимопонимание», из магазинов исчезали продукты, предметы первой необходимости. Выстраивались многочасовые очереди за любыми товарами, в том числе и за хлебом. Полкам предстояло снова заполниться только после устранения от власти «источника всех бед». Буквально на следующий день. Они и заполнились, правда, лишь на время.

Пенсии колхозникам, повышение окладов, пусть не всем, планам заговорщиков не способствовали, но поделаться они ничего не могли. А вот с двумя выходными решили рискнуть, не хотели оставлять на руках у отца такой козырь.

Давление шло планомерно, со всех сторон. Особенно рьяными противниками перехода на новую, укороченную неделю стали председатель Всесоюзного совета народного хозяйства Устинов и секретарь ЦК Рудаков, отвечавший за работу промышленности. Заводилой я бы назвал Устинова, но сам он, будучи активным участником заговора, ввязываться в спор с отцом не захотел, оставаясь в тени, действовал через ничего не подозревавшего Рудакова. Он не раз заводил с отцом соответствующие разговоры в ЦК, представлял справки. Отец выдвигал контрдоводы, поколебать его пока не удавалось. Решающий, по моим представлениям, разговор произошел на даче, на том же лугу и в моем присутствии. Сам Рудаков в состав близкого окружения отца не входил, на даче появлялся редко и только по делам. Он привлек на свою сторону Аджубея, объяснил ему, что в «государственных интересах» лучше с пятидневкой повременить. Аджубей взялся убедить в этом тестя.

В один из вечеров недели, оставшейся до сессии Верховного Совета, мы – отец, Аджубей, я и, возможно, еще кто-то, как обычно, гуляли на лугу. Алексей Иванович со свойственными ему красноречием всю прогулку доказывал, что переход на пятидневную неделю

несвоевременен, не подготовлен и может повлечь за собой серьезные отрицательные последствия. Сначала отец слушал молча, но постепенно начал колебаться. Алексей Иванович находил нужные доводы. Тут я решил вмешаться, терять два выходных дня мне очень не хотелось, и я робко возразил. Получилось неуклюже, и отец только отмахнулся: «Не мешай».

В конце концов он сдался, позволил себя убедить. Алексей Иванович просил. Третий подпункт 1-го пункта повестки дня сессии Верховного Совета СССР с обсуждения сняли. 11 июля на Пленуме ЦК отец объяснял это решение, повторяя аргументы Устинова и Рудакова: «Мы хотели поставить еще и вопрос о переходе на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными, но, подумав в Президиуме ЦК, перерешили. Страна пока к этому не готова, хотя пятидневка и очень заманчива, – отец, как бы оправдывался перед членами ЦК. – Возникают трудности в горной промышленности, за два выходных в штреках может ослабнуть крыша. Неясно, что делать со школьниками, нельзя их оставить на шестидневке, если мать с отцом получают два выходных дня. Перевод школ на укороченную неделю потребует увеличения периода обучения на целый год. Это невозможно. Не будем, товарищи, торопиться с пятидневкой, давайте подумаем, изучим, посоветуемся, никто нас не торопит».

После отставки отца «неразрешимые» проблемы, рассосались сами собой, и в горных штреках крыша больше не проседала, и в школах обошлись без продления на год срока обучения. Два выходных Брежнев осенью 1967 года преподнесет в качестве собственного подарка советскому народу к 50-летию советской власти.